

Научная статья / Article

УДК 811.161.1; 004.5; 800

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-43>

**Пословица как культурный код: опыт диагностики
культурно-исторического, семиотического,
антропологического и эпистемологического разрывов.
Статья 1**

Ольга Николаевна Иванищева

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

oivanishcheva@gmail.com;

<http://orcid.org/ORCID:0000-0001-8495-0502>

Аннотация. Цель работы — показать, как культурно-исторический, семиотический, антропологический и эпистемологический разрывы влияют на понимание глубинных пластов языка (на материале пословиц Терского берега Мурманской области). В современной диалектной паремиологии основное внимание уделяется лексико-семантическому описанию и систематизации паремий. Вопрос о различиях в интерпретации идентичных пословиц диалектоносителями и носителями литературного языка остается открытым: не установлено, на каких именно уровнях (культурно-историческом, семиотическом, антропологическом или эпистемологическом) возникают расхождения и не определен системный характер этих расхождений. Исследование выполнено на материале 57 пословиц, извлеченных из диалектных словарей, и данных опроса 46 информантов (16 носителей говора, 30 носителей литературного языка). Использованы сопоставительный метод, семиотический анализ, интен-анализ, антропологический комментарий и эпистемологический анализ. Показано, что расхождения в толковании не сводятся к незнанию устаревших реалий, а затрагивают глубинные уровни: денотативный (подмена этнокультурно маркированного образа абстрактным понятием), коннотативный (нейтрализация иронии, превращение насмешки в нравоучение), прагматический (утрата понимания пословицы как речевого акта) и антропологический (различие в переживании голода, стыда, смерти, коллективной ответственности). Для объяснения выявленных различий вводятся рабочие понятия «контекстная эпистемология» (контекстно-привязанное, ситуативное знание носителей гово-

ра) и «категориальная эпистемология» (стремление носителей литературного языка подвести частное высказывание под общую рубрику). Пословица рассматривается как диагностический инструмент, позволяющий зафиксировать распад традиционной «живой» формы существования языка и замещение ее институционализированной, кодифицированной практикой. Введенные эпистемологические понятия и разработанная четырехуровневая модель разрывов позволяют фиксировать трансформацию культурной памяти и определять, насколько современное языковое сознание сохраняет способность к адекватной интерпретации традиционных текстов.

Ключевые слова: паремия, пословица, Терский берег, поморский говор, носители диалекта, носители литературного языка, культурно-исторический разрыв, семиотический разрыв, антропологический разрыв, эпистемологический разрыв, контекстная эпистемология, категориальная эпистемология, речевой акт, культурный код

Для цитирования: Иванищева О. Н. Пословица как культурный код: опыт диагностики культурно-исторического, семиотического, антропологического и эпистемологического разрывов. Статья 1 // **Человек. Культура. Образование.** 2026. № 3. С. 43–65. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-43>

Proverb as a Cultural Code: Diagnosing Cultural-Historical, Semiotic, Anthropological, and Epistemological Ruptures. Article 1

Olga N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia

oivanishcheva@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

Abstract. *The aim is to demonstrate how these ruptures affect the understanding of the deep layers of language, using proverbs from the Tersky Coast (Murmansk region) as a case study. Existing research in dialectal paremiology has focused primarily on lexical-semantic description and the collection of paremias, while the problem of differing interpretations of the same proverbs by dialect speakers versus speakers of the standard literary language has remained largely unaddressed. It remains unclear at which levels — cultural-historical, semiotic, anthropological, and epistemological — these discrepancies occur and what their systemic nature is. The study is based on 57 proverbs extracted from dialect dictionaries and on survey data from 46 informants (16 dialect speakers and 30 speakers of the standard literary language). The methods employed include comparative analysis, semiotic analy-*

sis, intent analysis, anthropological commentary, and epistemological analysis. The findings show that the differences in interpretation cannot be reduced to a lack of knowledge of obsolete realities; rather, they involve deeper levels: the denotative level (replacement of an ethnoculturally marked image with an abstract concept), the connotative level (neutralization of irony, transformation of mockery into moral instruction), the pragmatic level (loss of understanding of the proverb as a speech act), and the anthropological level (differences in the experience of hunger, shame, death, and collective responsibility). To account for these differences, the working concepts of “contextual epistemology” (context-bound, situational knowledge typical of dialect speakers) and “categorical epistemology” (the tendency of standard language speakers to subsume a particular utterance under a general rubric) are introduced. The proverb is treated as a diagnostic tool that makes it possible to register the disintegration of the traditional “living” form of language and its replacement by an institutionalized, codified practice. The proposed four-level model of ruptures, together with the introduced epistemological concepts, allow us to trace the transformation of cultural memory and to determine the extent to which contemporary linguistic consciousness retains the capacity for an adequate interpretation of traditional texts.

Keywords: *paremia, proverb, Tersky Coast, Pomor dialect, dialect speakers, standard language speakers, cultural-historical rupture, semiotic rupture, anthropological rupture, epistemological rupture, contextual epistemology, categorical epistemology, speech act, cultural code*

For citation: Ivanishcheva O. N. Proverb as a Cultural Code: Diagnosing Cultural-Historical, Semiotic, Anthropological, and Epistemological Ruptures. Article 1. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 3: 43–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-43>

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения проблемы сохранения и трансляции культурного наследия в эпоху глобализации и цифровизации, угасания традиционной культуры Русского Севера и утраты «живого» знания, которым владели носители диалекта/говора. Цель работы — показать, как культурно-исторический, семиотический, антропологический и эпистемологический разрывы влияют на понимание глубинных пластов языка (на материале пословиц Терского берега Мурманской области). Цель определяет задачи исследования: охарактеризовать четыре типа разрыва применительно к исследованию паремий, проанализировать интерпретации носителей русского литературного языка как

проявление современного «наивного» языкового сознания, оторванного от традиции, реконструировать культурный код, стоящий за комментариями носителей говора, сделать выводы о динамике культурной памяти и границах интерпретации культурных текстов.

Объект исследования — толкование значения пословиц Терского берега носителями русского литературного языка и поморского говора. Предметом работы являются различия в понимании пословиц носителями русского литературного языка и поморского говора.

Новизна исследования состоит в том, что впервые проблема различий в интерпретации пословиц носителями говора и носителями литературного языка ставится как системная задача. В работе выявляются четыре уровня расхождений — культурно-исторический, семиотический, антропологический и эпистемологический, что позволяет перейти от лексико-семантического описания паремий к диагностике глубинных разрывов в культурной памяти и языковом сознании.

Методы исследования, теоретическая база. Материалом исследования явились 57 пословиц поморского говора, отобранных методом сплошной выборки из словарей «Живая речь кольских поморов» И. С. Меркурьева [1], «Пословицы и поговорки Поморья» И. С. Меркурьева [2], «Поморский говор» Н. Д. Кушкова [3], результаты опроса 16 информантов, постоянно проживающих в селе Варзуга Мурманской области, и 30 информантов — носителей современного русского литературного языка. Методами исследования явились сопоставительный, семиотический анализ, интент-анализ, антропологический комментарий и эпистемологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование различий в понимании пословиц между носителями языка и носителями диалекта/говора затрагивает несколько ключевых уровней разрыва: 1) культурно-исторический, 2) семиотический, 3) антропологический и 4) эпистемологический.

Культурно-исторический разрыв

Под культурно-историческим разрывом понимается расхождение между двумя (или более) способами существования языковой традиции, обусловленное сменой исторических условий, социальных институтов и культурных практик, в которых

язык функционирует и передается. Этот разрыв фиксирует момент, когда единая языковая и культурная традиция распадается на две линии существования: одна продолжает жить в неизменных или медленно меняющихся формах устно-бытовой практики, другая подвергается институционализации, кодификации и трансформации под воздействием письменности, образования и государственной языковой политики.

Самый очевидный пласт такого разрыва — незнание современными носителями русского литературного языка тех предметов, занятий и природных условий, которые составляли повседневность жизни помора.

При толковании пословицы «До Покрова — бабьи дрова»¹ [3, с. 12] информанты-носители говора дают развернутое объяснение, обнаруживающее знание календарного и хозяйственного цикла² (*До православного праздника Покров Пресвятой Богородицы дрова заготавливают женщины; До мороза можно топить печку мелкими дровами; Старинный порядок. Женщины носят мелкий хворост, мужчины серьезные поленья; До Покрова бабы дрова собирали, а после мужики в лес на саях ехали*). В этих толкованиях актуализируется комплекс культурных знаний: религиозный календарь — Покров (14 октября) как важный временной рубеж; гендерное разделение труда — «бабьи» (легкие, ближние) и «мужские» (дальние, на саях) дрова; природно-климатические условия — связь с наступлением холодов и появлением снега, меняющим способ транспортировки.

При толковании той же пословицы носителями русского литературного языка доминируют абстрактные и модернизированные, т. е. привнесенные из современных понятийных контекстов, интерпретации (*подготовка к зиме; дедлайн; своевременность каких-то действий; скоротечность времени; часть работы; всё на женщине держится*).

Некоторые пословицы Терского берега описывают уже исчезнувшие формы социального взаимодействия, например, пословица «Избомытница-избрюшница, одна из семи тарелок ест» [3, с. 13]. Информанты-носители говора при толковании

¹ Орфография и пунктуация пословиц здесь и далее представлена в редакции словаря «Поморский говор» Н. Д. Кушкова [3].

² Грамматика и стилистика ответов информантов-носителей поморского говора здесь и далее сохранены.

этой пословицы подробно описывают обряд «помочей», так называемой толоки — коллективной помощи соседей в работе [4, с. 794; 5] *(Женщина, которая быстро наводит порядок. Ее обычно на избомытние приглашали; Весной в помощь приглашали женщин мыть избу (мыли очень тщательно). А потом угощали; Приглашали женщин на избомытье, а потом старались отблагодарить, накормить всем, что в доме есть)*. Смысл пословицы — не в осуждении обжорства, а в констатации факта: работница, хорошо потрудившаяся на общину, имеет право на обильное угощение. Это часть кодекса взаимопомощи.

Абсолютное большинство интерпретаций данной пословицы носителями русского литературного языка строится вокруг негативной моральной оценки (*обжора; жадный человек; лентяйка; бездельник; прожорливый человек*). Носители литературного языка, таким образом, видят только вторую часть пословицы («одна из семи тарелок ест») и объясняют ее, исходя из современных представлений о питании, совершенно не учитывая, что в традиции «помочи» — это не просто практика коллективного приема пищи, а коллективная трудовая помощь с особым укладом и социальными правилами. В данном примере мы видим столкновение двух разных аксиологических систем (ценностных координат). В представлении носителя говора щедрое угощение работницы — это норма и долг общины. В представлении же современного носителя литературного языка оно осмысливается иначе — как чревоугодие, противоречащее представлениям о здоровом питании и умеренности в еде. Здесь сталкиваются не «правильное» и «неправильное» понимание, а две разные нормативные системы: одна укоренена в традиции коллективной взаимопомощи, другая — в современных индивидуально ориентированных нормах коллективного приема пищи. Этот конфликт норм и составляет суть культурно-исторического разрыва, проявившегося в интерпретации пословицы.

Показателен пример пословицы «Кто обманет его (ее), тот и дня не проживет» [3, с. 14]. Носители говора истолковывают ее не как указание на возможность кары свыше, а как указание на реальную опасность (*На море с обманом не шутят*). По их мнению, пословица предостерегает от людей, «скорох на расправу», или представляет обманутого человека как «очень злого и

обидчивого». Речь здесь, таким образом, идет не о божественном возмездии, а о жестких правилах взаимоотношений в замкнутом мужском коллективе промысловиков, где обман может стоить жизни (*Обманешь человека, то самому плохо будет*).

В толковании современного носителя литературного языка доминирует универсальная мораль (*принцип бумеранга; нельзя обманывать, будут последствия; мгновенная карма; Бог*). Носители литературного языка мыслят при этом в рамках общечеловеческой этики, не видя специфически поморского — связи обмана с угрозой физической расправы в условиях морского промысла.

Таким образом, пословица реализует общую для многих культур структурно-семантическую модель («ложь наказуема»), но в поморском варианте она обогащена специфическим «морским кодом» (природным кодом [6]). Для поморов море — не просто водоем, а кормилец и источник опасности. Носитель современного литературного языка в большинстве случаев не обладает таким опытом: его восприятие моря формируется вне промыслового уклада и не несет той смысловой нагрузки, которая характерна для опыта носителя говора. Современный носитель улавливает только инвариант модели, но теряет ее уникальное этнокультурное содержание.

Предметы, окружавшие помора, несли не только утилитарную, но и символическую нагрузку. Например, в толковании носителем говора пословицы «Вода да дрова даются самому несчастному, но и сами в дом не придут» [3, с. 11] подчеркивается бесплатность, доступность ресурса и одновременно необходимость труда (*Всем вода и дрова дается, но ленивые дела не делают; Природа дает человеку возможность добыть воду и дрова, но нужно принести их своими руками, просто так в доме не появляются; Вода и дрова — бесплатные, но домой занести надо же и заготовить перед этим. То есть потрудиться надо; Чтобы в доме были дрова, то потрудись и наруби*). При этом делается акцент на принципиальной возможности выживания (*Это утверждение о принципиальной возможности выживания для каждого*), но только если человек трудится. Интерпретации носителей литературного языка сводятся к универсальной трудовой морали (*Без труда не вытащишь и рыбу из пруда; Нуж-*

но трудиться, чтобы что-то было; Одной удачи недостаточно, нужно трудиться).

Таким образом, в пословице заложена оппозиция «дар природы — человеческий труд». Для носителя говора это оппозиция, основанная на повседневном опыте, для современного носителя литературного языка связь с природным источником утрачена, и он воспринимает пословицу как еще одно подтверждение ценности труда.

Материалы исследования убедительно демонстрируют культурно-исторический разрыв: используя терминологию Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной и Н. Ю. Нелюбовой [6], можно сказать, что носители литературного языка успешно определяют инвариантное значение (общую мораль, универсальную житейскую мудрость), заложенное в пословице. Однако они неспособны идентифицировать и интерпретировать этнокультурно маркированные ключевые понятия и образы (Покров, помочи, морской промысел, «символика» бесплатных дров и воды), которые составляют уникальный паремиологический код Терского берега. Этот код формировался на основе культурно-исторического опыта, который оказался утрачен для поколения, выросшего в условиях урбанизированной и глобализированной культуры. Культурно-исторический разрыв здесь проявляется как утрата способности расшифровать конкретные реалии, стоящие за словами, и, как следствие, обеднение общего смысла пословицы, сведение ее к упрощенной моральной сентенции.

Семиотический разрыв

Семиотический разрыв — это не просто незнание слов, а неспособность декодировать заложенные в пословице смыслы. Пословица, по словам Г. Л. Пермякова, выступает как знак ситуации [7], и для ее адекватной интерпретации необходимо понимать не только слова, но и тот культурный, эмоциональный и ситуативный фон, который за ними стоит. Носители говора видят за пословицей конкретную жизненную ситуацию, а носители литературного языка — мораль или образ.

С наибольшей наглядностью семиотический разрыв обнаруживается на материале одной и той же пословицы: в диалектной среде она функционирует как носитель конкретного, «предметно-чувственного» значения, тогда как в узусе носителей литературного языка она трансформируется в абстракцию.

Для носителей поморского говора поговорка «Не столь велика, сколь широка» [3, с. 16] связана с конкретным человеком — женщиной. Поговорка обнаруживает смысловую вариативность, охватывая широкий спектр значений: от характеристики внешних данных (*Так говорят о невысокой, но очень полной женщине*) до указания на личностные качества (*Про женщину в высоком себе мнении*), от определения социально-семейной роли (*Это правда про наших женщин. Не хрупкие мы, крепкие, чтобы дом держать, когда муж в море*) до оценки с положительной коннотацией, где акцентируются широта души и щедрость (*Это про наш поморский характер. Широта души, щедрость, гордость*). При всем разнообразии смысловых нюансов семантика пословицы не выходит за пределы повседневного жизненного опыта, не трансформируется в абстрактную этическую конструкцию, оперирующую категориями добра и зла. Носители литературного языка, напротив, почти не допускают мысли, что пословица может относиться к конкретной женщине, да еще и иронично. Они или переводят конкретное значение в общие философские понятия (*душа человека*), или привязывают пословицу к чему-то природному (*река*), или заменяют одну общую мораль другой (*Не суди по одежке, суди по уму*).

Ключевое понятие (объект описания) у носителей говора и носителей литературного языка различается. У первых это этнокультурно маркированный образ поморской женщины, у вторых — понятие «душа» или «река». Произошла деконкретизация и подмена денотата.

Многие пословицы Терского берега звучат как насмешка или шутка. Носители литературного языка склонны видеть в них нравоучения. Толкование носителей говора пословицы «В чем к обедне, в том и к обредне» [3, с. 11] (*Человек не различает повседневную и праздничную одежду; О неряшливом человеке, который не бережет праздничные платья; Речь идет о неряхе, ленивом человеке; Неряха и в праздник неряхой ходит*) имеет социально-бытовую характеристику — это насмешка над человеком (чаще женщиной), который не умеет соответствовать ситуации, ленив, неряшлив. Носители литературного языка нейтрализуют иронию, превращая пословицу в абстрактный совет (*Следить за внешним видом; Не стоит менять одежду или поведение ради разных событий, если они идут друг за другом*), или

пытаются придать ей сакральный, но абсолютно неадекватный контексту смысл (*Уважительное отношение к приему пищи как к священному обряду*). Исчезает осуждение неряшливости как порока, оно заменяется общими рассуждениями о постоянстве (*Неизменность поведения или внешнего вида человека в разных ситуациях*). Здесь утрачивается важнейший коннотативный компонент значения пословицы — ирония. Пословица перестает быть инструментом социального контроля (осуждения лени и неряшливости в конкретном деревенском социуме) и превращается в высказывание об общих принципах поведения. Прагматическая функция (насмешка, порицание) редуцируется до констатации факта.

Носители говора часто объясняют пословицу, привязывая ее к определенному жизненному случаю или обстоятельству. Носители литературного языка мыслят универсальными категориями.

По мнению ряда исследователей, обобщенность является частью значения пословиц: «Пословицы — это фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения)» [8, с. 69]. В этом определении выделяется один аспект обобщенности — семантический (идея всеобщности). Однако существует и другой, структурный аспект: как устойчивые выражения, пословицы содержат компоненты с «нулевой», неопределенной референцией, что позволяет соотносить их с любым количеством объектов [9, с. 883]. Именно эта структурная открытость и делает возможным приложение всеобщей истины к единичным жизненным обстоятельствам. Эту же мысль находим у Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, которые утверждают, что в каждом акте коммуникации паремия одновременно отсылает и к обобщенной (инвариантной) ситуации, закреплённой в традиции, и к конкретной ситуации, в которой она произносится. Смысл афоризма всякий раз заново осмысливается через сопоставление этих двух планов. Именно эта двойная соотнесенность и составляет прецедентную природу культурно маркированных высказываний [10, с. 431].

Например, информанты-носители говора при толковании пословицы «Куда ночь, туда и сон» [3, с. 14] фиксируют ситуацию употребления: утром, после дурного сна, чтобы отогнать

тревогу (*Эту приговорку бабушка утром говорила, если кто ночью кричал, чтобы страх отогнать. Она вроде как заклинание*). Лишь небольшая часть носителей литературного языка видит эту связь. Большинство информантов предлагают толкование пословицы как констатацию нормы жизнедеятельности человеческого организма (*Это пословица о том, что ночью спят*) или как утверждение о закономерности и неизбежности (*неизбежность ситуации; плыть по течению; закономерность; причинно-следственная связь*). Таким образом, ситуативный смысл пословицы утрачен. Этот пример иллюстрируют разницу между инвариантной пословичной ситуацией [11] и ее конкретными вариантами. В сознании носителя говора хранится множество вариантов употребления, привязанных к разным контекстам. В сознании современного носителя литературного языка, как правило, сохраняется только инвариант.

В диалектной традиции пословица редко функционирует как безличное изречение. Она, как правило, встроена в диалог, имеет конкретного адресата и выполняет определенное коммуникативное действие — утешает, предостерегает, высмеивает, снимает вину. Носители говора это отчетливо осознают, носители литературного языка, напротив, утрачивают это понимание, воспринимая пословицу как автономное высказывание, не привязанное к ситуации общения.

Пословицу «Где люди живут, тут и ходят» [3, с. 14] можно определить как формулу этикета. В ситуации, когда гости извиняются за то, что «ходят», создают шум, беспокоят хозяев, последние произносят эту пословицу, чтобы снять вину и утвердить естественность происходящего (*Фраза хозяев дома на извинения гостей за доставленное неудобство; Ответ на сетования людей о доставленном беспокойстве*). Таким образом, пословица выполняет конкретное коммуникативное действие — утешение, снятие неловкости, ответ на извинение.

Носители литературного языка, напротив, лишают пословицу ее ситуативной конкретики, сводя ее к ряду обобщенных смыслов: обозначение закономерности, связанной с повседневной жизнью, привычками и обыденным поведением человека, шутливое замечание о предсказуемости человека или его привязанности к месту, а также общеизвестные моральные истины (*Простая, но емкая народная мудрость: люди ходят там, где*

живут, то есть следуют привычным маршрутам, связанным с бытом. Используется как шутливое замечание о предсказуемости человеческих действий или о том, что человек привязан к своему месту; Где живешь, не гадь; Дома хорошо; Где родился, там и пригодился). Коммуникативная функция пословицы как элемента живого диалога, как социального жеста оказывается в таком случае утраченной полностью. В данном примере разрыв происходит на уровне прагматики [12; 13]. Пословица перестает восприниматься как речевой акт (утешение, снятие вины, ответ на извинение) и превращается в утверждение, которое не привязано к конкретной ситуации общения, не выражает эмоций говорящего и не совершает никакого речевого действия (не утешает, не оправдывает, не советует, не извиняет). Она просто констатирует факт о том, как «устроен мир» или как в нем «обычно все происходит» — без указания на говорящего, слушающего и их отношения. Носители литературного языка анализируют содержание, но не видят иллокутивной силы этого высказывания, его цели в реальном общении.

Таким образом, семиотический разрыв проявляется на нескольких уровнях — на уровнях денотата, коннотата и прагматики.

Антропологический разрыв

Антропологический разрыв фиксирует тот факт, что современный носитель литературного языка не просто не знает каких-то слов или ситуаций — он иначе переживает базовые человеческие состояния: голод, сытость, стыд, страх, горе, радость, в то время как пословица для носителя говора является частью «живого», чувственного опыта.

Пословицы Терского берега о еде, голоде и насыщении демонстрирует, насколько по-разному физический объект (тело) «присутствует» в языке носителя говора и современного носителя литературного языка. В пословице «Стал сыт — узнал стыд» [3, с. 20] концепт «стыд» [14] неразрывно связан с телесным состоянием. Это не абстрактное моральное чувство, а физиологически обусловленная реакция. Голодное тело «не знает границ», оно готово на все — это состояние животной нужды. Сытое тело обретает способность к рефлексии, к культуре, к «стыду» (*Голодный теряет свой стыд, может украсть; Когда наелся, начинаешь чувствовать стыд, когда голодный, можешь*

сделать все что угодно (голод не тетка); Пока человек голоден, он готов на многое ради куска хлеба и не задумывается о тонкостях поведения; Голодный был, то готов был на многое. А как поел, одумался).

Носители литературного языка, описывая этот процесс как переход, переживаемый телом, безусловно, понимают логическую связь «голод → аморальность, сытость → мораль». Но их интерпретации рационализированы и психологизированы. Они говорят об «удовлетворении потребностей», «духовном росте», «лучшей версии себя» (*Пословица говорит о связи между материальным достатком и моральными принципами; Стать лучшей версией себя и стыдиться прошлого; Когда человек удовлетворяет базовые потребности (например, голоден — наелся), у него появляется больше моральных принципов, чувства такта и стыда за прежние поступки).*

Таким образом, для носителя говора тело — это не просто оболочка, а источник знания и переживания. Голод и сытость — это модусы бытия, меняющие восприятие мира и самого себя. Современный носитель литературного языка может понять связь сытости и радости, но не может воспроизвести то острое физиологическое переживание, которое делает эту связь неоспоримой истиной.

Пословицы, касающиеся жизни и смерти, обнажают разницу в восприятии конечности существования и социальной значимости человека. Для носителей поморского говора пословица «Живешь не человеком и умрешь не покойником» [3, с. 13] означает, что смерть не обрывает социальное существование человека. Быть покойником — значит сохранять имя, память, место в деревенском социуме даже после ухода из жизни (*Вести праведную жизнь, чтобы после вспоминали добрым словом; Пословица используется, когда человека не ценят при жизни, и предполагается, что после смерти его тоже не будут помнить или уважать. Выражает горькую иронию о незавидной судьбе; Означает, что если человек ведет бесцельную, несерьезную или аморальную жизнь (не «живет как человек» — не соблюдает нормы, не думает о последствиях), то и смерть его не будет достойной (не станет «покойником» в смысле уважения, памяти).* Пословица говорит о страхе не перед физической смертью, а перед социальным небытием, забвением. Носители литератур-

ного языка понимают, что речь идет о «неправильной» жизни: «жить по совести», «иметь цель», «быть полезным», «не быть никем» (*Пословица используется, когда человека не ценят при жизни, и предполагается, что после смерти его тоже не будут помнить или уважать. Выражает горькую иронию о незавидной судьбе; Означает, что если человек ведет бесцельную, несерьезную или аморальную жизнь (не «живет как человек» — не соблюдает нормы, не думает о последствиях), то и смерть его не будет достойной (не станет «покойником» в смысле уважения, памяти); Если живешь неправильно, то плохо все будет*). Для них важнее внутреннее состояние («покой», «смысл»), чем внешняя память («покойник» как социальный статус).

Таким образом, антропологический разрыв здесь выражается в утрате традиционного мироощущения, характеризующегося «встроенностью» человека в две взаимосвязанные системы: социальную (род, община) и космическую (судьба, промысел). Современный носитель литературного языка функционирует как индивид, чье существование измеряется категориями личного успеха, достижения целей и психологического комфорта. В его картине мира смерть выступает как граница индивидуального бытия, а неудача — как «технический сбой», требующий устранения. Для носителя говора, напротив, смерть означает или продолжение, или прекращение социальной жизни, а неудача воспринимается как знак, ниспосланный свыше.

Некоторые пословицы транслируют опыт жизни в коллективе, где личные интересы подчинены общим. Носители поморского говора видят в пословице «Где много хозяев, там дров нет, а где много хозяек — там воды нет» [3, с. 11] проблему организации совместного труда. Это опыт жизни в большой семье или общине, где нужно четко договариваться, чтобы выжить (*В доме, где много хозяев, домашние дела остаются не сделанными; Где много командующих, дело не делается; Коллективная безответственность; Много людей, а толку в работе, помощи нет; В доме порядок, если один хозяин и одна хозяйка. Не на кого надеяться; Люди перекадывают друг на друга обязанности*). Это не просто суждение, а констатация закона общежития. Носители литературного языка видят в пословице идею неэффективности коллективного управления. Но их формулировки часто окрашены в тона современного менеджмента и индивидуализма: «один ли-

дер», «начальник». Они видят проблему не в размыивании общей ответственности, а в отсутствии единоличной власти (*Если людей много, все переложат обязанности друг на друга и ничего не сделают; Порядок там, где один хозяин*). Уходит ощущение, что речь идет о доме, о семье, где все «хозяева» в равной степени и задача — не назначить начальника, а договориться по справедливости.

Таким образом, носитель литературного языка склонен оценивать любую ситуацию через призму индивидуальной ответственности и лидерства. Носитель поморского говора мыслит категориями круговой поруки и разделенного труда. Пословица для него — напоминание о необходимости согласия, а не о преимуществах единоначалия. Этот сдвиг в восприятии социальной реальности — еще один аспект антропологического разрыва. Материалы исследования демонстрируют тот факт, что антропологический разрыв — это разрыв на уровне опыта тела и опыта бытия-в-мире. Носители говора переживают базовые состояния (голод, сытость, усталость) как острую физиологическую реальность, непосредственно связанную с эмоциями и поступками. Носители литературного языка рационализируют эти состояния, переводят их в план психологии или абстрактной морали. Носители говора ощущают себя частью большего целого — общины и мироздания. Их страхи и надежды связаны с социальной памятью и волей судьбы. Носители литературного языка — автономные индивиды, озабоченные личным успехом, смыслом жизни и психологическим комфортом. Носители говора мыслят категориями «мы», где закон — согласие и разделение труда. Носители литературного языка склонны видеть в любой группе проблему управления и искать «лидера».

Эпистемологический разрыв

Эпистемологический разрыв в исследовании пословиц Терского берега понимается как принципиальное несовпадение способов производства, фиксации и осмысления знания между носителями говора и носителями литературного языка. Разрыв проявляется в том, что одна и та же языковая форма (пословица) оказывается встроена в принципиально разные эпистемические системы.

Эпистемическая система — это сложившийся в сообществе способ производства, обоснования, фиксации и передачи зна-

ния. Она включает в себя представления об источниках знания (опыт, традиция, авторитет, рациональное умозаключение, цифровые платформы), способах его фиксации (устная речь, письменный текст, ритуал), режимах функционирования (осознаваемый или неосознаваемый) и целях (действие, понимание, объяснение). Различия эпистемических систем объясняют, почему одна и та же языковая форма, например пословица, может по-разному восприниматься и интерпретироваться носителями говора и носителями литературного языка.

Для реализации цели данного исследования мы вводим понятия «контекстная эпистемология» и «категориальная эпистемология» как термины, позволяющие структурировать выводы и зафиксировать два различных способа работы со знанием, представленным в пословичном материале.

Носители говора, как показало исследование, демонстрируют «контекстно привязанное» мышление. Они вспоминают не «значение слова», а ситуацию, в которой это слово/пословица употреблялось. В этом смысле можно назвать эпистемологию носителей говора контекстной, поскольку в эпистемологии «контекстуализм» объединяет позиции, признающие решающую роль контекста в определении знания и условий его приписывания [15].

Носители литературного языка демонстрируют категориальный тип мышления: они стремятся подвести конкретное, ситуативное высказывание (пословицу) под общую рубрику — «бытовая закономерность», «моральная истина», «шутливое замечание». В отличие от носителей говора, воспринимающих пословицу как живой речевой акт (утешение, снятие вины), носители литературного языка действуют в рамках эпистемологической установки, для которой знание тождественно подведению частного случая под общее правило через систему категорий. Мы считаем обоснованным назвать эту эпистемологию категориальной.

Например, пословица «Вспоминай, как корова лето» [3, с. 11] сопровождается в ответах носителей говора пояснением *«Зимой, когда стоит в хлеву корова, есть сено, а ей доярка говорит: вспоминай, корова, когда ела летом и мне траву»*. Это не просто толкование, это воспроизведение целой сцены, диалога, обстановки. Информант не дает дефиницию, он рассказыва-

ет историю [16]. Носители литературного языка сводят многомерный ситуативный опыт к одному понятию — «ностальгия» (*Эта пословица в шутливой форме напоминает о приятных моментах из прошлого. Как корова вспоминает теплое лето, так и люди иногда с ностальгией вспоминают хорошие времена; Человек тоже склонен ностальгировать о лучших временах, особенно в трудные периоды*).

Эти же замечания относятся и к анализу толкований других пословиц Терского берега, таких как «Бело-небело, а в воды побыло» [3, с. 10] и «Воду видели и ладно» [3, с. 11]. С позиции контекстной эпистемологии носителей говора важно представление спектра значений, привязанных к разным контекстам: стирка, рыбалка, уборка (*Про стирку белья, если постиралась не очень хорошо. Может, воды мало было; Сходили на рыбалку и ничего не выловили, получили удовольствие — у воды посидели; Уточки в воде побывали, а рыбы не поймали*). Носители литературного языка пытаются дать толкование, которое охватило бы все случаи (*Выражает равнодушие или отсутствие интереса к чему-то обыденному; Означает, что довольствуются малым; Используется для обозначения крайне поверхностного, быстрого или формального процесса мытья*). Это проявление эпистемологии категориальной.

Таким образом, эпистемический фокус носителей говора направлен на конкретную, повторяющуюся практическую деятельность (мореходство, рыболовство, быт). Язык фиксирует «смысловой сдвиг» в сторону значимых для выживания элементов [17, с. 92]. Пословицы Терского берега — это фиксация такого фокуса: они интенсифицируют ситуативный опыт (приметы погоды, повадки рыбы), превращая его в устойчивую формулу, значимую для модуса существования сообщества.

Эпистемический фокус носителей литературного языка смещен на абстрактные связи и логические операции. Н. Ю. Козлова, ссылаясь на Кассирера, говорит о работе понятийной системы, направленной на достижение «максимальной определенности» [17, с. 4]. Литературный язык стремится к универсализации смысла, что соответствует категориальной эпистемологии, где знание существует в виде отвлеченных классификаций, оторванных от конкретной ситуации.

Носители говора моделируют реальность внутри языка, не отделяя модель от объекта. Их пословицы — это не столько описание мира, сколько инструмент взаимодействия с ним. Н. Ю. Козлова пишет о «симбиотической связи языка и мышления» [17, с. 11]. В говоре эта связь максимально органична: мышление о море и речи о море суть одно целое.

Для носителей литературного языка язык представляется независимой системой, с помощью которой можно конструировать возможные миры, оторванные от непосредственного чувственного опыта. Именно это позволяет говорить о категориальной эпистемологии, где знание строится на основе логики категорий, а не только на основе прожитого опыта.

Можно утверждать, что разница между знанием, основанным на жизненном опыте (как у носителей говора), и знанием, основанным на отвлеченных категориях (как у носителей литературного языка), объясняется тем, на что направлено внимание человека в языке и насколько он осознает сам язык. Носители говора используют язык так, что их внимание сосредоточено на самом действии и окружающей природе. Язык для них неотделим от жизни: слово и дело слиты воедино. Поэтому их знание — это знание, прожитое на практике. Носители литературного языка, напротив, постоянно задумываются о том, как сказать, следят за формой и правилами. Они оперируют отвлеченными понятиями, которые оторваны от конкретных ощущений, но зато позволяют строить сложные мыслительные конструкции.

Заключение. Проведенное исследование интерпретации пословиц Терского берега носителями поморского говора и носителями русского литературного языка позволяет зафиксировать системный характер расхождений, выходящих далеко за пределы простого незнания слов или реалий. Выявленные различия были концептуализированы в рамках четырех типов разрывов — культурно-исторического, семиотического, антропологического и эпистемологического, каждый из которых высвечивает определенную грань единого процесса: распада традиционной, «живой» формы существования языка и замещения ее институционализированной, кодифицированной практикой, характерной для современной урбанизированной и глобализированной культуры.

Культурно-исторический разрыв зафиксировал утрату способности носителей литературного языка идентифицировать и интерпретировать этнокультурно маркированные реалии (хозяйственный цикл, обряд «помочей», морской промысел), что приводит к обеднению общего смысла пословицы и сведению ее к упрощенной моральной сентенции.

Семиотический разрыв проявился на нескольких уровнях одновременно: уровне денотата (подмена этнокультурно маркированного образа абстрактным понятием), уровне коннотата (нейтрализация иронии, превращение насмешки в нравоучение) и уровне прагматики (утрата понимания пословицы как речевого акта — утешения, снятия вины, ответа на извинение).

Антропологический разрыв обнаружил принципиальное несовпадение в переживании базовых человеческих состояний: для носителя говора голод, сытость, стыд, смерть — это острая физиологическая и социальная реальность, тогда как для носителя литературного языка — психологические или моральные абстракции.

Наконец, эпистемологический разрыв, для фиксации которого в работе были введены рабочие понятия «контекстная» и «категориальная» эпистемологии, показал, что носители говора и носители литературного языка используют принципиально разные способы производства, фиксации и осмысления знания: первые — контекстно-привязанный, ситуативный, телесно пережитый опыт, вторые — отвлеченное подведение частного случая под общую рубрику.

Таким образом, пословица в данном исследовании выступила не просто как языковой факт или фольклорный жанр, но как свернутый культурный код, диагностический инструмент, позволяющий обнаружить глубинные слои культурной памяти, ценностных ориентаций и эпистемических установок. Утрата способности адекватно интерпретировать паремию — это не лексическая недостаточность, а симптом более масштабных процессов: разрыва межпоколенческой трансляции, смены эпистемических фокусов, перехода от коллективного, «общинного» способа бытования знания к индивидуально-рефлексивному. Полученные результаты имеют значение не только для диалектологии и паремиологии, но и для антропологии языка, культурной семиотики и эпистемологии, предлагая эмпирически

обоснованную модель анализа того, как язык хранит, трансформирует и утрачивает культурный опыт. Предложенная четырехуровневая модель разрывов и введенные эпистемологические понятия могут быть использованы для диагностики трансформации культурной памяти и анализа границ интерпретации традиционных текстов в современном языковом сознании.

Список источников

1. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979. 184 с.
2. Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. 148 с.
3. Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга Мурман. области: Опимах, 2011. 168 с.
4. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
5. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 269 с.
6. Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремииологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232–248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskii-analiz-tuvinskih-poslovits-modeli-obrazy-ponyatiya-na-evropeyskom-paremiologicheskom-fone> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Пермьяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979. 671 с.
8. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Издательский дом «ЯСК», 2024. 280 с.
9. Назаров Н. В., Шульгинов В. А. «Первый блин комом»: ограничения и потенциал LLM в распознавании референции устойчивых фраз // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 12. № 4. С. 881–896. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-blin-komom-ogranicheniya-i-potentsial-llm-v-raspoznanii-referentsii-ustoychivyh-fraz> (дата обращения: 03.04.2026).
10. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Событийная основа паремий как вторичных знаков в свете когнитивного подхода к изучению языка // Актуальные проблемы современной науки и образования. Филологические науки : материалы Всерос. науч. практ. конф. с междунар. участием, Сибай, Респ. Башкортостан, февраль 2010 г. Уфа, 2010. Т. V. С. 430–434.
11. Гвоздев В. В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 207 с.
12. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: Пословицы и поговорки как речевые действия: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 322 с.

13. Шаронов И. А. Прагматические значения пословиц в диалоге // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8. Ч. 2. С. 193–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-znacheniya-poslovits-v-dialoge> (дата обращения: 03.04.2026).

14. Каращук В. А. Эмоционально-оценочный контент концепта «Стыд» в русской лингвокультуре // Экономика и социум. 2025. № 4–1 (131). С. 912–919. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-otsenochnyy-kontent-kontsepta-styd-v-russkoy-lingvokulture> (дата обращения: 03.04.2026).

15. Галухин А. В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-atributornogo-kontekstualizma-v-epistemologii> (дата обращения: 03.04.2026).

16. Иванищева О. Н. Пословицы кильдинского саамского языка: к вопросу о толковании значения паремий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 82–88.

17. Козлова Н. Ю. К вопросу об эпистемической функциональности языка: лингвофилософский анализ // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 2. С. 89–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-epistemicheskoy-funktsionalnosti-yazyka-lingvofilosofskiy-analiz> (дата обращения: 03.04.2026).

References

1. Merkur'ev I. S. *Zhivaya rech' kol'skih pomorov* [Living Speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Murmansk Book Publ., 1979. 184 p. (In Russ.)

2. Merkur'ev I. S. *Poslovitsy i pogovorki Pomor'ya* [Proverbs and Sayings of Pomorye]. St. Petersburg, 1997. 148 p. (In Russ.)

3. Kushkov N. D. *Pomorskii govor. Poslovitsy, pogovorki, priskazki, leksika* [Pomor Dialect. Proverbs, Sayings, Jokes, Vocabulary]. Varzuga, Murmansk Region: Opimakh Publ., 2011. 168 p. (In Russ.)

4. Myznikov S. A. *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 1076 p. (In Russ.)

5. Gromyko M. M. *Mir russkoi derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1991. 269 p. (In Russ.)

6. Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. Semantic Analysis of Tuvan Proverbs: Models, Images, Concepts (on the European Paremiological Background). *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2021. No 3. Pp. 232–248. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskii-analiz-tuvinskih-poslovits-modeli-obrazy-ponyatiya-na-evropeyskom-paremiologicheskom-fone> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

7. Permyakov G. L. *Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka. Sistemati-zirovanoe sobranie izrechenii dvuhsot narodov* [Proverbs and Sayings of the Peoples of

the East. A Systematic Collection of Sayings of Two Hundred Peoples]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 671 p. (In Russ.)

8. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Ocherki obschei i russkoi frazeologii* [Essays on General and Russian Phraseology]. Moscow: YASK Publ. House, 2024. 280 p. (In Russ.)

9. Nazarov N. V., Shul'ginov V. A. "The First Pancake is Lumpy": Limitations and Potential of LLMs in Recognizing the Reference of Set Phrases. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2024. Vol. 12. No 4. Pp. 881–896. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-blin-komom-ogranicheniya-i-potentsial-llm-v-raspoznavanii-referentsii-ustoychivyyh-fraz> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

10. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Event Basis of Paremiology as Secondary Signs in the Light of the Cognitive Approach to Language Study. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya. Filologicheskie nauki : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Current Problems of Modern Science and Education. Philological Sciences : Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation]. Sibay, February 2010. Ufa, 2010. Vol. V. Pp. 430–434. (In Russ.)

11. Gvozdev V. V. *Mesto poslovits kak strukturno-semanticheskikh obrazovaniy v yazyke* [The Place of Proverbs as Structural-Semantic Formations in Language] : dis. ... cand. philol. sci. Moscow, 1983. 207 p. (In Russ.)

12. Sidorkova G. D. *Pragmatika paremii: Poslovitsy i pogovorki kak rechevye deistviya* [Pragmatics of Paremiology: Proverbs and Sayings as Speech Acts] : dis. ... dr. philol. sci. Krasnodar, 1999. 322 p. (In Russ.)

13. Sharonov I. A. Pragmatic Meanings of Proverbs in Dialogue. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies]. 2022. No 8. Pt. 2. Pp. 193–206. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-znacheniya-poslovits-v-dialoge> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

14. Karaschuk V. A. Emotional-Evaluative Content of the Concept "Shame" in Russian Linguistic Culture. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society]. 2025. No 4–1 (131). Pp. 912–919. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-otsenochnyy-kontent-kontsepta-styd-v-russkoy-lingvokulture> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

15. Galukhin A. V. The Strategy of Attributor Contextualism in Epistemology. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. 2014. No 8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-atributornogo-kontekstualizma-v-epistemologii> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

16. Ivanishcheva O. N. Proverbs of the Kildin Sami Language: On the Interpretation of the Meaning of Paremiology. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2025. Vol. 47. No 5. Pp. 82–88. (In Russ.)

17. Kozlova N. Yu. On the Question of the Epistemic Functionality of Language: A Linguo-Philosophical Analysis. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2025. Vol. 62. No 2. Pp. 89–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-epistemicheskoy-funktsionalnosti-yazyka-lingvofilosofskiy-analiz> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Мурманский арктический университет (Россия, 183038, Мурманск, ул. Кап. Егорова, 15)

Information about the author

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic University (15, Cap. Egorova, Murmansk, 183038, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.04.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2026
Принята к публикации / Accepted for publication 06.06.2026

Теоретическая (обзорная) статья / Review article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-65>

Мифологема Севера: смысловое содержание понятия и его эвристическая значимость

**Анна Анатольевна Кликачева¹,
Людмила Александровна Клюкина²**

^{1,2} Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

¹ juliussecond1503@gmail.com,

<https://orcid.org/ORCID: 0009-0002-1785-6684>

² klyukina-la77@yandex.ru, <https://orcid.org/ORCID: 0000-0003-4843-9357>

Аннотация. В современной российской геополитике и экономике важной задачей признается необходимость освоения Арктики и Севера. В связи с этим актуальным становится изучение культуры северных народов и ментального образа «Север». В настоящей статье изложе-